

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД И ЕГО РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ.

Теоретические и методологические проблемы корреляции археологии, этнографии и других наук имеют важнейшее значение для изучения древних обществ в их пространственно-временном измерении, и я надеюсь, что мой собственный опыт комплексного исследования этногенеза древних обществ полезен и в методологическом отношении (9; 10). Велико их значение и для изучения социо-, культуро- и этногенеза. С этой задачей связана и проблема методологически обоснованного использования данных этнографии для реконструкции истории первобытного общества. Она остается одной из сложнейших проблем исторического исследования и требует дальнейшего интенсивного изучения, ибо от её решения зависит само понимание ранних этапов истории общества и культуры. Достаточно сказать, что только этнография, изучающая первобытное общество во всей его полноте, способна наделить жизнью любые построения, опирающиеся на археологические свидетельства. Материалы этнографии несут в себе необходимую для этого информацию, которая, однако, может быть извлечена из них только на адекватной методологической основе. Мировая наука накопила уже значительный опыт в этом направлении. Говоря о первобытном обществе, изучаемом этнографией, имеем в виду современное общество, находящееся (или находившееся в сравнительно недавнем прошлом) на стадии развития, соответствующей первобытному строю.

Существуют два противоположных подхода к проблеме использования данных этнографии для изучения первобытности. Один из них можно назвать гиперкритическим. Его представляют, как правило, археологи. В основе этого подхода находится вполне оправданное критическое отношение к весьма распространенному приему прямых сопоставлений между фактами археологии и этнографии, к так называемому методу археолого-этнографических аналогий. Действительно, прямые аналогии между древними и современными обществами зачастую способны лишь ввести в заблуждение. Современная наука нуждается в более совершенной методике, но не следует на этом основании отрицать саму возможность интерпретации архео-

логических материалов с помощью этнографии. Отказ от обращения к этнографии делает интерпретацию невозможной или недоказуемой. Настаивать на принципиальном отсутствии аналогичных явлений в пределах одной общественно-экономической формации, к которой относятся представители и исторической, и этнографической первобытности, значило бы отрицать само единство исторического процесса, единство законов общественного развития на соответствующих его стадиях.

Другой подход является собором широко распространенный прием умозрительных построений и логических конструкций, либо игнорирующий факты, либо привлекающий их произвольно, изобретательно, для подкрепления априорной гипотезы. Некоторые труды, посвященные истории первобытности, сводятся к подгонке фактов под заранее сконструированную схему, к некритическому поиску "пережитков". Примером может служить раздел "Возникновение первобытной родовой общины" в книге "История первобытного общества" (М., 1966). Здесь бессистемно собраны обычаи самых разных народов, находящихся на всех уровнях социального развития, и происхождение этих обычаев отнесено, без всякой научной аргументации, к раннему палеолиту. И делается это для подкрепления надуманной, априорной схемы. Так могли писать свои книги эволюционисты прошлого века, и их справедливо критиковали за это советские ученые-марксисты, но в наше время все это выглядит анахронизмом.

Представляется полезным противопоставить обеим этим крайностям иной подход, о котором мне уже приходилось писать (5; 6; 8; II). Напомню его в самых общих чертах. Многочисленные данные этнографии показывают, что принципы организации первобытных социальных структур совпадают, в каких бы условиях последние ни находились, в каких бы различных природно-географических зонах их носители ни обитали. Эти принципы имеют, следовательно, универсальный характер. Первобытные социальные структуры распадаются, в частности, на поверхностные и глубинные; последние формируются на основе необходимых для самого существования общества преимущественно социально-экономических отношений.

Иначе говоря, компоненты первобытных культур образуют два крупных блока. Первый характеризуется бесконечной вариативностью элементов, второй, напротив, однотипностью. В основе первого находятся те социальные структуры, которые мы называем поверхност-

ними, в основе второго — структуры глубинные. К последним относятся, прежде всего основной производственный коллектив первобытного общества — община. Первобытная община — относительно стабильная и вместе с тем чутко реагирующая на все изменения природной среды социальная форма, посредством которой осуществляется социальная адаптация первобытного общества к этой среде, поэтому второй блок можно назвать системой социальной адаптации. Исторически он является более ранним, это наследие первичной универсальной адаптивной системы, свойственной обществу с самого начала. В процессе исторического развития на неё наслаивается всё бесконечное многообразие этнических культур — то, что характеризует первый блок.

Общество — самоорганизующая система. Его способность приводить себя в соответствие с природной и социально-исторической средой осуществляется адаптивными механизмами; в первобытном обществе это, прежде всего, социальные механизмы второго глубинного блока, выполняющего, главным образом, социально-экономические функции. Адаптация посредством социальных механизмов происходила на всем протяжении истории первобытного общества, вплоть до становления производящей экономики. Это было следствием низкого уровня развития материальной, прежде всего технологической вооруженности общества, которая по мере своего развития сама становится все более важным орудием адаптации.

Как ни менялись бы условия жизни традиционных первобытных обществ, глубинные структуры, необходимые для самого существования этих обществ, сохраняют принципиальное единство своего построения, своей архитектоники. Диалектическое единство этих двух культурных блоков, двух типов социальных структур выражает единство и, в то же время, многообразие первобытных обществ. Иными словами, общества эти бесконечно многообразны и, в то же время, едины в основных, фундаментальных своих признаках. Традиционные общества охотников и собирателей, история которых протекала в различных географических и исторических условиях, едины, однотипны почти во всем, что относится к социально-экономическим основам их существования, и подчас глубоко различны в сфере материальной и духовной культуры, порожденной историческими условиями и многовековой адаптацией к специфическим условиям обитания.

Глубинные социальные структуры, стержнем которых является индивидуина, будучи главным инструментом приспособления общества к среде, не меняются существенно вместе с изменениями в ней, они однотипны в своих основных признаках. Эти структуры образуют как бы прочный фундамент, дающий обществу возможность устоять и сохраниться в любых условиях. В то же время изменчивые исторические и географические условия строят на этом фундаменте многообразные типы этнических культур.

Вот эти-то универсальные глубинные структуры, отражающие закономерности общественного развития, сохраняющие, при всех изменениях окружающих условий, относительную устойчивость и принципиальное единство своего построения, и являются наиболее надежной основой реконструкции обществ первобытной древности. Они характеризуют социально-экономический базис сравниваемых и реконструируемых обществ.

Этнографические факты содержат в себе одновременно индивидуальное и всеобщее, характеризующее определенную общественную формацию, не только формацию в целом, а и одну из её стадий, притом в определенных географических и конкретно-исторических условиях. Чем уже моделируемый социально-исторический срез, тем содержательнее этнографическая модель, а последняя, в свою очередь, может стать основой реконструкции определенного этапа первобытности, близкого по социально-экономическим параметрам к экологическим условиям. Например, совокупность этнографических данных по обществам, переходящим к производящему хозяйству и обитавшим в разных природных зонах, а ещё лучше — в однородной экологической среде, выявит во всех этих обществах нечто общее, что может стать основой для реконструкции соответствующих древних обществ. Это общее, как правило, относится к глубинным социально-экономическим структурам. Систематизированные массовые факты способствуют установлению повторяющихся явлений, свидетельствующих о существовании определенных тенденций и закономерностей; на этой основе мы можем предсказать, как будет вести себя, или предположить, как вело себя общество того же типа в тех же или сходных условиях. Таковы основы реконструкции на основе типологической, а не, предположим, генетической близости. Этнографические и археологические типы — это системы этнографических и археологических фактов, явлений, существующих в определенных пространственно-временных гра-

ницах, аналогичные " локальным историческим типам " (Э.С.Маркарян).

Таким образом, предлагаемый метод реконструкции первобытности основан на широком привлечении данных по обществам, изучаемым этнографией, на сравнительном анализе этих данных в целях выявления в них общего и особенного, универсалий, с одной стороны, и черт, присущих лишь отдельным обществам, с другой, и построении этнографических моделей, лишенных этнографической специфики, но пригодных для сопоставления с археологическими материалами. Он предполагает в то же время, аналогичную типологизацию обществ, изучаемых археологией, причем социально-экономические основы обществ исторической первобытности выясняются непосредственно в ходе изучения самих археологических памятников. Изучая археологический памятник, например жилой комплекс, археолог стремится выяснить уровень развития производительных сил, численность и плотность населения, направление и производительность хозяйственной деятельности, её динамику и сезонность, организацию и разделение труда, характер обменных отношений с соседними обществами. Всё это характеризует социально-экономическую жизнь общества.

Но по мере того, как мы, образно говоря, восходим всё выше по ступеням социально-идеологической надстройки, всё более отрываемся от материального, экономического фундамента, наши предположения принимают всё более гипотетический характер и требуют дополнительных исследовательских процедур. И вот возникает вопрос: располагаем ли мы средствами для того, чтобы достоверно реконструировать систему, предельно удаленную от фундамента общественной жизни - общественное сознание, и его подсистему - религию, средствами для построения более или менее обоснованной гипотезы, в каких формах, например, возникла религия?

В проблеме происхождения религии и её ранних форм широко распространен следующий метод. Исследователь прежде всего пытается выяснить среди многообразных явлений религиозной жизни современных отсталых обществ какое-то одно, которое представляется ему наиболее элементарным и, следовательно, лежащим в основе религии - например, анимизм, фетишизм, колдовство, - а затем, руководствуясь собственной логикой, рисует её дальнейшее развитие. Иначе говоря, он начинает с того, что Э.Тэйлор в свое время

назвал " минимумом религии ". Этот метод был характерен еще для эволюционистов прошлого века, и его можно назвать эволюционистским. В итоге возникает некая умозрительная конструкция, более или менее убедительная.

Говоря словами одного современного автора, " происхождение религии не может быть предметом научного исследования не потому, что некоторые теории могут оказаться неверными, а потому, что все теории могут быть правильными. Здесь уместно напомнить высказывание К. Поппера, согласно которому научным может называться только такое утверждение, которое теоретически может быть опровергнуто. А так как ни одна теория о происхождении религии или её форме не может быть опровергнута (добавим, кроме самых абсурдных, - В.К.), все они не научны, хотя некоторые из них интересны и свидетельствуют об эрудиции авторов " (14, с. 2).

Отдавая должное этому методу, нами выдвинут иной метод - ретроспективный. Сущность его была сформулирована К. Марксом в словах, относящихся к буржуазному обществу : " Категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится... Анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны " (I, с. 731). В этих словах выражена суть ретроспективного метода социального познания, посредством которого неизвестное прошлое познается через известное настоящее; настоящее как бы вобрало в себя свое прошлое, интегрировало его. Этот метод дает возможность судить не только о социально-экономических структурах далекого прошлого, но и о соответствующих им надстроечных явлениях. Исследование уже сложившихся социально-идеологических систем помогает понять их прошлое, недоступное уже непосредственному наблюдению, раскрывает самый процесс их формирования и развития. Поэтому стремясь понять первобытную духовную культуру в целом и, в частности, первобытную религию в её истоках, процесс её становления, правомерно исходить из анализа этнографических фактов, прежде всего таких, которые относятся к наиболее отсталым в своем развитии обществам, а следовательно находятся ближе всего к древнейшим этапам в развитии религии. Привлечение данных археологии и их сравнительный анализ позволяют со значительной степенью достоверности реконструировать наиболее древние пласты

первобытной религии.

Следует напомнить также слова Маркса о необходимости "из данных отношений реальной жизни" выводить "соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно единственно научный метод" (2, с. 383). А это означает, что для понимания первобытной религии необходимо хорошо представить себе реальную жизнь первобытного общества, в условиях которого она возникала и развивалась. Любым построениям в области происхождения и истории первобытной религии должно предшествовать этнографическое изучение первобытного общества, эти построения должны опираться на фактическую этнографо-археологическую базу. А между тем приходится читать работы, претендующие на большие обобщения, написанные в чисто умозрительной, спекулятивной манере при полном игнорировании конкретного этнографического и археологического материала (например: 12).

Одним из основоположников ретроспективного метода в этнографии был А. Хокарт (13). В его концепции ведущая роль относится реконструкции, основанной на анализе хорошо известных развитых форм. Мысли Хокарта близки к взглядам одного из крупнейших психологов XX в. Л. С. Выготского, по словам которого "понять до конца какой-нибудь этап развития и самый процесс можно, только зная конец процесса, результат, направление, куда и во что развивалась данная форма" (3, с. 294). Как пишет В. В. Иванов, "принцип реконструкции начальных этапов на основании поздних результатов эволюции объединяет большинство современных наук, исследующих свои объекты в динамике" (4, с. 86).

Ретроспективный анализ сформировавшихся явлений, поиски универсалий в бесконечном многообразии фактов — таков наиболее надежный путь реконструкции духовной культуры древних обществ, самого сложного, наименее уловимого объекта исторического исследования (7). Обращаясь к этнографии мы ставим вопрос: какие явления религиозной жизни этих обществ являются наиболее характерными и универсальными, тесно связанными с их насущными жизненными потребностями? В свойственном им многообразии религиозных верований и культов имеется форма религиозной активности, особенно тесно связанная с производственной деятельностью, с жизнью и воспроизводством природного мира и человеческого общества повсеместно распространенная — продуцирующие обряды. Все дает основание полагать, что здесь мы имеем дело с одной из древнейших форм

религии. В продуцирующих обрядах ярко выражено первобытно-магическое начало, в своих наиболее архаических формах они связаны с посвяжительной обрядностью, что позволяет реконструировать их общий источник — древнейший первообряд, направленный на обновление природного и человеческого миров, на продолжение жизни во всех её проявлениях. В первобытном религиозном комплексе продуцирующие обряды, органически связанные с обрядами инициации, наряду с некоторыми другими элементарными магическими актами, вероятно, относятся к числу самых ранних.

Первоначальные религиозные верования и культы строились из материала, имевшего жизненное значение для первобытного человека. К ним относятся культ орудий и представления, связанные с наделянием орудий сверхъестественными свойствами. Орудия труда наделялись собственной свободной волей, которую, однако, человек старался обуздать, закрепив за орудием неизменную форму и тем самым связав ему волю человека. С фетишизацией орудий и вообще трудовых актов связан феномен функционального сдвига; он действует избирательно, и механизм этой избирательности ещё полностью не изучен.

К одной из первоначальных форм первобытного религиозного комплекса относятся и образы культурных героев и демиургов, творцов мира и человека, создателей культуры, учредителей обычаев и законов. Универсальные черты, свойственные им, их широчайшее распространение свидетельствуют о глубокой древности этого явления. В них отразилось творческое начало формирующейся человеческой личности и общества. Здесь мы имеем дело ещё с одной универсалией архаического общественного сознания.

Итак, реконструируя духовную жизнь первобытного общества, мы обращаемся к реальной жизни современных первобытных обществ во всей её полноте, стремясь выявить в ней наиболее архаические и универсальные явления. Не менее ценны и прямые свидетельства о возникновении религии в самых ранних, элементарных формах свидетельствует археология раннего и среднего палеолита. Практика, связанная с остатками диких животных, говорит об отражении в ранних религиозных представлениях тесной связи между человеческим и природным мирами. О других аспектах первобытной религии сообщают следы культа человеческого черепа и мустьерские погребения. Так на заре человеческой истории зарождающееся общественное сознание

обратилось сначала к силам природным, находящимся вне человека, а затем к внутреннему миру самого человека, связывая их и пытаясь воздействовать на оба мира.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857-1858 гг.). Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.; 2-е изд., т. 12.
2. Маркс К. Капитал. Т. I. - Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23.
3. Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии. Собр. соч., т. I, М., 1982.
4. Иванов В. В. "Труды и дни" Артура Хокарта. Природа, 1985, № 12.
5. Кабо В. Р. История первобытного общества и этнография (к проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии). В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
6. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
7. Кабо В. Р. Первоначальные формы религии. Религии мира. История и современность. М., 1986 (в печати).
8. Кабо В. Р. Природа и первобытное общество: проблемы социальной адаптации. Природа, 1979, № 4.
9. Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
10. Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.
11. Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности. В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1970.
12. Семёнов Ю. И. Эволюция религии: Смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность. В кн.: Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
13. Хокарт А. М. Критерии оценки свидетельств. Природа, 1985, № 12.
14. The Realm of the Extra-Human. Ideas and Actions. Ed. by A. Bharati. The Hague, 1976.